

Мы еще увидим небо в алмазах?

Культура. — 1998. — 23-29 апр. — С. 1

Чеховский фестиваль, который все время обещает

Третий Международный театральный фестиваль им. А.П.Чехова длится уже месяц. Есть основания подвести первые "промежуточные" итоги. К сожалению, они мало утешительны.

У фестиваля много спонсоров, на него затрачено немало средств. Но пока что решительным образом неудовлетворителен результат всех этих усилий. Фестиваль никак не выходит на тот уровень спектаклей, о которых можно было бы сказать словами его организаторов: вот "самое интересное и талантливое, что есть в мировом театре". Более того — буду откровенен: среди представленных спектаклей есть такие, которые кажутся в программе такого престижного фестиваля необязательными и даже неуместными. Может быть, гость из Франции Оливье Пи, как сообщает программа, и в самом деле "с наслаждением облачается в платье берлинской певички" в спектакле "Кабаре мисс Найф", сочетающем бесшабашность с вопиющим дилетантизмом? С тем же видимым наслаждением он бежит перед публикой нагишом в претенциозно-сюрреалистической постановке "Лицо Орфея", в которой тщится придать поэтическую глубину трюизмам. Но понять, почему именно эти работы попали на чеховский фестиваль, право же, трудно.

Уже показали свои работы американцы, французы, немцы. В объективной и непредвзятой критике прозвучала весьма любопытная интонация: что ж, пусть этот спектакль очевидно неудачен, мы с надеждой будем ожидать следующий! Сегодня, скажем, смотрим на редкость тусклую и невыразительную постановку "Шести персонажей в поисках автора" — надеемся и ждем "Короля-Оленя"! Сегодня смотрим вычурно-стилизованного и внутренне холодного "Короля-Оленя" — ждем разрекламированных немецких "Трех сестер"! Обнаруживаем в "Трех сестрах" необременительный тип "новаторского" прочтения Чехова, в котором акцентируются всеми мыслимыми средствами кладбищенские мотивы и герои, расплывшиеся, одряхлевшие, со стертыми физиономиями, волею режиссера Кристофа Марталера помещены то ли в богадельню, то ли в лечебницу для страдающих изъемами опорно-двигательного аппарата. Ждем "Медею" из Штутгарта. Смотрим "Медею" — сниженную и обытовленную, лишенную напряжения и остроты, с хором, напоминающим работниц текстильной фабрики в обеденный перерыв, и запоздавшими, ненужными пожароопасными эффектами под занавес, — ждем... и так далее.

Можно сказать, что у фестиваля даже сложилась на сегодняшний день своеобразная "драматургия" с невыразительной экспозицией, проблематичными кульминациями и весьма странными отношениями со зрителем. Перед началом спектаклей, когда повсюду разгуливают охваченные дежурным энтузиазмом корреспонденты ТВ и радио, зрители, полные радостных предвкушений, весело толпятся у входа в театр. В антракте — значительная их часть, грустная и разочарованная, быстро разбирает свою одежду в гардеробе и отправляется восвояси.

Но, позвольте, разве не к зрителю в самом важном и решающем своем итоге адресуется фестиваль?

Выясняется, что самые благие намерения без убедительного подтверждения уровнем самих спектаклей обречены. И обещание "открытости всему новому и талантливому". И благородное стремление "укреплять чувство всемирного театрального братства". И даже такая понятная готовность посвятить фестиваль столетию МХАТа. При отсутствии художественных потрясений, без того, что можно было бы назвать событийностью в искусстве театра, фестиваль малопомалу рискует превратиться в светскую "тусовку" с участием международной и отечественной театральной элиты, протекающую на глазах зрителя, впечатленного, к сожалению, пока что одним только этим фактом. Это заставляет задуматься о несовершенстве изначальной концепции фестиваля. "Открытость" поставила его под угрозу понижения творческого уровня и случайного подбора спектаклей.

Фестиваль продолжается. Призовем зрителя настроиться на стоический лад. И вместе с ним будем терпеливо ожидать встречи с "живой легендой французской сцены" Арианой Мнушкин, с окруженным плотной завесой тайны Бобом Уилсоном.

Надежда, как известно, умирает последней!

Андрей ЯКУБОВСКИЙ